

РЕЦЕНЗИИ

**Рец. на кн.: Банщикова А. А. Женские образы
в художественных произведениях древнего Египта.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.**

Гендерная проблематика не особенно популярна в египтологических исследованиях; в отечественной же литературе ей посвящены, по сути дела, единичные публикации — исследования М. Э. Матье, проводившиеся в характерном этнологическом аспекте (на сегодняшний день устаревшем)¹ и, в 1990–е гг., очерки В. А. Головиной и О. В. Томашевич². Кроме того, последняя исследовательница, увлекаясь проблемой положения женщины в древнем Египте, не раз обращалась к ней в тематике дипломных работ студентов МГУ им. М. В. Ломоносова. Именно развитием одной из этих работ стала первая в отечественной египтологии книга по гендерной проблематике — рецензируемая монография А. А. Банщиковой (сейчас — сотрудницы Института Африки РАН).

Источники данного исследования по древнему Египту — это художественная литература (нельзя не отметить небольшую ошибку в названии монографии — уместнее было бы сказать «...в произведениях художественной литературы...»). При небольших размерах работы, А. А. Банщиковой удалось действительно исчерпывающе для данной темы привлечь произведения литературы всех эпох истории древнего Египта — от Древнего царства (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) до Позднего времени (I тыс. до н. э., причем использованные демотические тексты известны вообще в кодификации эллинистического времени). Не менее подробно проведен и учет имеющейся на сегодняшний день литературы: специального историографического раздела в монографии нет, но

¹ *Матье М. Э.* Следы матриархата в древнем Египте // Труды Института антропологии, археологии и этнографии. Т. IV. Л., 1936; *Она же.* Из истории семьи и рода в древнем Египте // Вестник древней истории. 1954. № 3. С. 45–75.

² *Головина В. А.* «Жена царицы великая» Нефертари Меритенмут // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 8–43; *Томашевич О. В.* Женщина в древнем Египте // *Жак К.* Египет великих фараонов. М., 1992. С. 311–331; *Она же.* «Сексуальная революция» в древнем Египте // Древние цивилизации Старого и Нового Света: Культурное своеобразие и диалог интерпретаций. Сб. ст. М., 2003. С. 209–217.

А. А. Банщикова не раз характеризует отдельные мнения исследователей и дает подробные отсылки к целым комплексам публикаций; единственным досадным пробелом оказывается отсутствующая среди них монументальная работа Э. Фойхт «Ребенок в древнем Египте»³ (притом, что материнский аспект в положении женщины в работе рассматривается).

Формулируя во введении задачи своей работы, А. А. Банщикова обращает внимание, что до сих пор привлечение художественных образов к исследованиям древнеегипетского общества носило иллюстративный характер (с. 9); применительно к литературе это особенно досадно, поскольку именно она служит «зеркалом общественных настроений и ценностей» (с. 11). Автор подробно характеризует экономико-правовой статус женщины в древнем Египте: право распоряжения имуществом, полную правосубъектность и возможность инициировать развод, — отмечая вместе с другими исследователями, что он был выше, чем в других обществах Востока и древности в целом, и изменился к худшему лишь под чужим влиянием к середине эллинистического времени (кон. III в. до н. э.; с. 11–13). Однако при таком статусе женщины именно ей принадлежит высокая роль в формировании отношений в древнеегипетской семье, «создание и существование» которой «регулировалось... только ближним семейным кругом, подвластным общественному мнению, но никак не идеологии и влиянию государства» (с. 14). Это замечание более принципиально, чем может показаться при первом взгляде на него, так как оно, по сути, формулирует значение исследований египетской семьи вообще: еще в начале Древнего царства государство в Египте абсорбировало все крупные общинно-клановые структуры⁴, и в силу этого семья — единственная среди них, которая в принципе не могла быть разрушена, — должна была стать главным генератором и носите-

³ Feucht E. Das Kind im Alten Ägypten. Die Stellung des Kindes in Familie und Gesellschaft nach altägyptischen Texten und Darstellungen. Frankfurt–New York, 1995.

⁴ Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития. 3: Второй путь развития обществ ранней древности // История древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. М., 1989. С. 47–48.

лем социальной и культурной традиции, в какой-то мере альтернативной официозу. То, что египетскому государству был несвойствен мелочно-обременительный контроль над подданными, делало эту функцию семьи тем более эффективной и значимой. А. А. Банщикова не строит иллюзий по поводу практического равноправия женщины в древнем Египте, который характеризует как *male-dominated society* (что может быть сказано о любом обществе архаики); вместе с тем она отмечает «масштабность... положительной составляющей» в стандартном отношении египтян к женщине, которое и планирует показать на материале литературных произведений, рассмотренных по их жанрам (с. 15).

Первая глава — «Женские образы в древнеегипетских поучениях» — построена на произведениях литературного (можно сказать, литературно-публицистического) жанра, существовавших на всех этапах истории древнего Египта, что делает их особенно репрезентативными для изучения эволюции его мировоззрения. Еще один момент, обеспечивающий, по мнению автора, репрезентативность материала поучений — это стандартность обсуждаемых в них жизненных ситуаций и отношения к ним (с. 18). «Аудиторию» данных текстов (по сути дела, это справедливо и применительно к древнеегипетской литературе в целом) автор определяет как «грамотных людей», включая в эту категорию «высшие классы египетского общества» и «образованных общинников» (с. 19). С последним утверждением приходится не согласиться на одном основании установленной отечественной историографией отсутствия свободной общины в Египте с III тыс. до н. э. (см. наше прим. 4): в этой стране люди, не относившиеся к непосредственным производителям, находились на службе государства, либо, в крайнем случае, были самодельными в тесной связи с ним и в рамках его инфраструктуры. Отождествить же «грамотных людей», несмотря на их немногочисленность в древнем Египте (ок. 1% населения, что при пересчете на трудоспособных мужчин дает, однако, не такое уж низкое соотношение 1:20–30⁵), исключительно с «высшими классами» не получается ввиду как широкого разлета в функциях и фактическом положении между людьми этой группы (от рядовых писцов до царского

⁵ Baines J. *Visual and Written Culture in Ancient Egypt*. Oxf., 2007. P. 64–67, 70.

окружения), так и ее принципиальной незамкнутости (что и делает возможной экстраполяцию жизненных ориентиров образованных людей древнего Египта на его общество в целом).

Обращая внимание на то, что женщина в поучениях появляется только как член семьи (жена или мать; с. 19), А. А. Банщикова на материале «Поучения Птаххотепа» делает вывод, что исходный пункт эволюции древнеегипетского отношения к женщине в III тыс. до н. э. — это признание ее «второй силой» в семье, отношения с которой должны формировать в ней подлинную «психологическую гармонию» (с. 36; 49). Не споря с этим заключением, мы считаем, что возможность построения такой гармонии уже в «Поучении Птаххотепа» получает определенное, очень существенное ограничение в словах, мимо которых не проходит и автор: *shr(i) sy r shm 3rd sy d3.s pw irt.s m33.s* (Pt. 332–333). Перевод этой фразы вызывает меньше затруднений, чем кажется автору: «Удаляй ее от власти (очевидно, в доме), обуздывай ее: око ее, когда смотрит она, — это буря ее». Мы согласны, что речь здесь идет о женской импульсивности — в том, что касается построения различных планов и стремления к их реализации⁶ (с. 35); однако сама эта черта женщины, с точки зрения автора «Поучения» заслуживает только одного отношения — того, чтобы мужчина «смирять» ее и, зная о ней, не допускал ее обладательницу к власти в доме. Совершенно немыслимо, на наш взгляд, такое понимание данной фразы: «она (жена) может остаться в доме, если довольна мужем, если нет — может и уйти» (с. 34): не говоря о том, что для разведенной самостоятельной женщины в Египте III тыс. до н. э. попросту не было социальной ниши, сама эта фраза, безусловно, имеет ввиду отношения внутри семьи, причем любой, вовсе необязательно «проблемной» и готовой рассыпаться. Данная рекомендация «Поучения...» продолжается в следующем его фрагменте, почему-то не обсужденном в монографии подробно (см. с. 35): «Сдерживай ее — это вода; лоно дано ей (букв. “в руки ее”); переживаемое ею — дай

⁶ Об образе «Ока» в представлении о «задумывании» богом-творцом явлений еще не созданного мира см.: Демидчик А. Е. Несколько замечаний о «родстве» египтян с божеством // Мероэ: Страны Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна в древности и раннем средневековье. Вып. 5. М., 1999. С. 108–114.

ему выход» (букв. «канал»; Pt. 336–338: *šnʿy.k s[y] mw pw kzt di.t[w].s n ʿwy.s šnnt.s ir n.s mr*). По сути дела, здесь продолжается мысль о том, что женщине по ее природе свойственна, прежде всего, иррациональная импульсивность, и мужчина должен с этим справляться, если нужно, употребляя силу. Споры нет, что «Поучение Птаххотепа» (особенно внятно — как раз в этих строках) предписывает чуткость к женской импульсивности, необходимость умело ее «канализировать»; однако в то же время в данной связи появляется и мотив, которому была суждена в древнеегипетских поучениях долгая жизнь, — связь женской импульсивности («воды», в очевидной семантической связи) с сексуальностью. Таким образом, уже в самом начале традиции поучений, на этапе, когда согласная гармоничная семья действительно признается идеалом, ее построение кажется возможным только с учетом различий между мужчиной и женщиной, причем свойственная последней импульсивность ставит ее ступенью ниже, совершенно закономерно при культе рациональности в поучениях. Что касается рекомендации «Поучения Птаххотепа» «остерегайся приближаться к женщинам» (Pt. 281: *ʿhʒ t[w] m tkn m hmwt*), то пояснение, что ее нужно придерживать «в жилище, в которое тыходишь как господин, как брат или как друг» (id. 278–279: *m hnw ʿk.k r.f m nb m sn m hnm s r-pw*), на наш взгляд, исключает, что здесь в буквальном смысле «речь идет о сексуальном контакте» (с. 35); скорее, имеются в виду возможные «светские» завязки романтических историй, побуждающих многих отклониться «от полезного для них» (Pt. 284).

А. А. Банщикова убедительно прослеживает дальнейшую эволюцию отношения к женщине в семье в древнеегипетских поучениях: через этап «деловых взаимоотношений между супругами как своего рода “семейными администраторами”» в эпоху Нового царства («Поучение Ани»; с. 36) — к опасениям перед склонностью женщины к измене, порождаемой сексуальностью, и перед ее «безбожностью» в Позднее время (I тыс. до н. э.; «Поучение Анх-Шешонка»; с. 42). В то же время едва ли верно объяснение такого отношения «инфантилизацией» женщины в Позднее время, ее восприятием «как своего рода “взрослого ребенка”, не прошедшего социализации» (с. 45). На наш взгляд, ключом к позднеегипетскому восприятию женщины оказывается также учтенное в работе поуче-

ние папируса Инсингер (I в. до н. э.): в нем «реализация женщины как “плохой” всегда оказывается связана с ее сексуальными страстями» (в том числе с воздействием персонифицирующей их богини Хатхор); в противоположность этому, «то, что в “хорошей” женщине хорошего — от бога» (в частности, от богини-матери Мут; с. 47). Едва ли в папирусе Инсингер нужно видеть «улучшение отношения к женщине» по сравнению с «Поучением Анх-Шешонки» (ок. IV в. до н. э.): просто если второе говорит только о наиболее частой «плохой» составляющей женской природы, то первое — также и о редкой «хорошей». По сути, мы видим инвариант позднеегипетского отношения к людям вообще (не исключая и высшего в их иерархии — царя), характеризующегося, в отличие от ситуации III–II тыс. до н. э., уверенностью в склонности людей к соблазнам и, напротив, неверием в их способность избегать их собственными разумом и волей; «благочестивый человек», противоположный «безбожному»⁷ (букв. «врагу» — *s3b*, *s(3)b(3)*, *sb(3)*; женский род этого термина фигурирует во фрагментах, обсуждаемых в работе), остается таковым благодаря тому, что сверяется с определенным вмененным извне стандартом благого поведения («пути жизни», или «пути бога»), в определенной мере принуждая себя к его соблюдению. Трудность такого «самопринуждения» в случае женщины, очевидно, усугубляется (почти до невозможности) ее природными страстями: поэтому ее следование благому пути по собственной воле прямо связывается с вмешательством божества, а в остальных случаях ее принуждает к этому опекающий ее мужчина. Однако такое отношение к женщине — это не ее «инфантилизация», а скорее «переложение» ее природных слабостей, известных еще в «Поучении Птаххотепа», на гораздо более болезненное мироощущение I тыс. до н. э. Заметим, что сам перепад в мировоззрении Египта III–II тыс. до н. э. и Позднего времени прослежен в монографии на примере отношения к женщине очень убедительно: кроме того, предложено его объяснение «парцелляцией» египетского общества в начале Позднего времени, его превращением из этатистского монолита, заботящегося о составляющих его людях, в

⁷ См. также на материале «Поучения Анх-Шешонки» и папируса Инсингер: Brunner H. Die Weisheitsbücher der Ägypter. Düsseldorf–Zürich, 1998. S. 234–237 ff., 295–302 ff.

поле противоборства множества частных и корпоративных интересов, с закономерным расшатыванием социальных норм (с. 48, 132; по сути дела, это объяснение, высказываемое в нашей литературе впервые, относится к пессимистическому взгляду египтян Позднего времени не только на женщин, но и на людей вообще, ключевому для мировоззрения этой эпохи).

Во второй главе — «Женские образы в древнеегипетских сказках и повестях» — автору удалось провести исключительно полный учет произведений древнеегипетской прозы, от среднеегипетских (с рубежа III–II тыс. до н. э.) до демотических. Нельзя не согласиться с формулировкой общей закономерности построения женских образов в этих произведениях: «наиболее привычным для литературы и, видимо, нормативным для семейной жизни является пассивное поведение женщины (...от рождения ребенка до оказания помощи уже взрослому сыну). Если же вдруг женский персонаж изображается активным, то это либо иностранка..., либо четко отрицательный персонаж» (с. 83). Столь же справедливо замечание, что образы последнего типа (отрицательный персонаж — прежде всего, неверная жена) выходят на заметное место со времени Нового царства (активизация контактов Египта с внешним миром, прежде всего с сопоставимыми по уровню развития цивилизациями Азии⁸) и особенно в Поздний период (ослабление социальных норм, о котором уже шла речь в связи с поучениями; с. 84). Из конкретных моментов, затронутых в этой главе, хотелось бы остановиться на анализе самого значительного женского образа новоегипетской «Повести о двух братьях» — спутницы ее героя Баты, сотворенной для него из «[семени] каждого бога», но предавшей его. Эта *шесет* (букв. «знатная», как этот персонаж именуется в большей части текста⁹), по яркому определению автора моногра-

⁸ О «внесистемности», с египетской точки зрения, ситуаций, в которых действуют литературные персонажи (в том числе египтяне — на примере «Рассказа Синухета») в Азии, см.: *Большаков А. О., Суцневский А. Г.* Герой и общество в древнем Египте // *Вестник древней истории.* 1991. № 3. С. 13–14.

⁹ А. А. Банщикова остроумно замечает, что «слово это является одним из обозначений статуи — неодушевленного предмета» (с. 61, прим. 10), что служило бы аллюзией на происхождение этого существа; однако аллюзия эта может быть только очень косвенной — слово со значением «статуя» выглядит как *šps* (*Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Leipzig;

фии, представляет собой «образ... непробужденной и непробуждаемой красавицы, через которую в жизнь героя входит великое зло, не потому, что она зла, а потому, что она “вещь в себе”, не-социализированное существо», по сути, лишенное эмоций (с. 61). Причина этого в логике «Повести...» — несомненно, «искусственное» сотворение *шепсет* богами, в силу которого она — не человек в точном смысле этого слова; однако здесь следовало бы и четче сказать, что к такому существу не применимы полностью законы, действующие в отношении обычных женских образов, и поставить вопрос о том, кем оно все же является. Ответить на него нельзя, не обратившись к мифологическим коннотациям «Сказки о двух братьях», которые, при их специфичности, в целом заданы мифом об Осирисе¹⁰. Невинный страдалец, аналогичный Осирису, в «Повести», несомненно, Бата; концентрация в *шепсет* зла и его направленность на Бату делает ее аналогом Сету, но в то же время, парадоксальным образом, она проявляет и качества Исиды (беременеет от Баты, по сути, после его смерти и рождает его сына, одновременно являющегося и перевоплощением Баты, который добивается ее осуждения). Осирисские коннотации признаются и для «Сказки о Правде и Кривде» (правда, несравненно хуже сохранившейся), где истоком бедствий невинного страдальца опять же оказывается женщина; однако в монографии они лишь констатируются, причем довольно неясно (с. 62); между тем эти два произведения, по сути дела, дают основу для важного и вряд ли высказывавшегося до сих пор наблюдения о том, что в новоегипетских художественных вариациях на мифологические темы появляется примечательная тенденция связывать функции Сета именно с женским образом.

В., 1926–1950. Bd. IV. S. 451 [8–9]), а не *špst*; зато последнее слово имеет значение «богиня» (*Idem.* S. 450 [7]), которое могло бы быть актуальным в этой же связи. Однако базовым значением этого слова (на которое эти аллюзии могут налагаться) в «Сказке» является, без сомнения, все же «наложница царя» (*Idem.* S. 450 [1–4]; ср. с. 103, со ссылкой на рHarris 500): собственно, лишь став ею, этот персонаж и начинает именоваться таким образом (рD’Orbiney 12.3 и сл.); до этого ее именуют *ir[t]y-ḥmsw* (id. 9.7 — «спутница»), *st-ḥmt* (id. 10.2: «женщина, жена»), *B ʿddw* (id. 10.5: «юница»).

¹⁰ Коростовцев М. А. Литература древнего Египта // История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 74.

Третья глава — «Женские образы в древнеегипетской любовной лирике» — посвящена произведениям, резко отличным от прозы и по системе образов (в работе ей уделяется большое внимание) и по весьма вероятной ритмизации, которые появились в литературе Египта в четко ограниченный промежуток времени — с царствования Хоремхеба по середину XX династии (1330–е гг. — сер. XII в. до н. э.). Тематически они посвящены отношениям доброй любви между героями, обозначаемыми как «Брат» и «Сестра». Важнейший и не вызывающий сомнений вывод данной главы связан с доминантностью «Сестры» в подобных отношениях: именно она инициирует их (собственно, от ее имени эти произведения часто и написаны), причем если положение «Брата» часто характеризуется как «болезнь» или «опьянение», то действия «Сестры» — как «охота» (см. особ. с. 106–107). По сути, это единственный (ввиду свободного семейного статуса обоих партнеров) вариант внебрачных связей, который оцениваются в египетской литературе «как нечто совершенно естественное и позитивное» и как таковой, и в связи с доминированием в нем женщины (с. 108–109).

В четвертой главе («Сравнительный анализ восприятия женских образов в разных жанрах египетской литературы») делается целый ряд выводов о закономерностях, связанных с женскими образами в египетской литературе в целом. Высказывается мнение, что именно женщина — «ведущая» во всех внебрачных и не нацеленных на создание семьи отношениях; в семейной жизни она в большей мере «реагирующий субъект» (с. 109). Абсолютно позитивен образ матери: в Позднее время «она даже противопоставляется жене как единственная женщина, достойная доверия» (с. 116), и истоком этого признается биологический, а не социальный уровень связи между ней и сыном (соответственно, не расторгимой и не изменяемой — с. 119; заметим, что расторжение ее мы видели на примере *шепсет* и ее сына в «Сказки о двух братьях»). Как инверсии стандартной модели гендерного поведения рассматриваются ситуации, в которых женщины инициируют адюльтер или внебрачные отношения, основанные на внезапном влечении. Второе признается уделом неегиптянок (собственно, азиаток; к ним напрасно отнесен столь специфичный образ, как *шепсет* «Повести о двух братьях»), отличие от которых египетских девушек, ищущих

добрачной любви, состоит в том, что они делают это «на основе прочного знакомства» со своими избранниками (с. 110–112; последнее из произведений египетской лирики не так уж очевидно). Наконец, в данной главе А. А. Банщикова уделяет внимание таким характеристикам женщин в литературе, как описание их внешности (с. 120–122; здесь она опирается на наблюдения, рассеянные по всей работе), упоминания их жизненных циклов (с. 122–124) и контекст их образов, формируемый упоминаниями различной утвари и предметов обихода (с. 124–126).

Наиболее важные выводы, сформулированные в заключении к работе, касаются, с одной стороны, изменений в отношении к женщине в Новое царство и Позднее время (их закономерности были установлены уже в первой главе; и теперь к их обоснованию прибавляется, в частности, наблюдение о том, что, со снижением роли гармонии внутри семьи, уже в Новое царство, литература выносит изображение любви за ее рамки: с. 132); и, с другой — причин «весьма сбалансированного видения семьи и женщины (как в семье, так и за ее рамками)» в Египте III тыс. до н. э. Эти причины видятся в важности для каждого египтянина доброй памяти о нем, которая побуждала бы его потомков заботиться о его посмертном культе (а его, соответственно, творить для них добро при жизни), и в общей установке египетской культуры на толерантность к слабым, «что, возможно, берет свое начало в небезызвестной концепции *маат*, мирового справедливого мироустройства, все элементы которого должны сочетаться гармонично» (с. 134–135). Последнее едва ли верно, поскольку *маат* — не концепция, а явление древнеегипетской картины мира, а именно совокупность норм природы и общества, свойственных стабильному миру и поддерживаемых ритуалом¹¹; восприятие же гармонии в семье, где женщина является сопоставимой с мужчиной «второй силой», как общественной нормы должно вытекать из мировоззренческих установок, но не наоборот. Что же касается истоков такого восприятия в мировоззрении III тыс. до н. э., мысль о его связи с заинтересованностью в посмертном культе, отправляемом родственниками умершего, не просто интересна, а находит прямое подтверждение в древнейшем

¹¹ Демидчик А. Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 22–23.

«Поучении Джедефхора» с рекомендацией обзавестись детьми именно для этой цели. Высказывая эту мысль, автор обращается к реконструкции истоков древнейших компонентов египетской ментальности — работе, которая проделывается очень редко, — и проводит ее, как мы видим, успешно.

Завершающие монографию два кратких очерка о мифологических образах Хатхор и Исида обозначают их качества богинь чувственной любви и материнства, но, в общем, играют чисто иллюстративную роль. Думается, они бы выиграли от подключения к ним мифологических коннотаций женских образов новоегипетской литературы, о которых мы говорили.

Подводя итог обсуждению работы А. А. Банщиковой, нельзя не признать ее успеха. Большинство ее выводов кажутся убедительными, а те, по поводу которых возникают возражения, самой заданной автором постановкой вопросов побуждают к плодотворной дискуссии. Данная работа — достойное начало по настоящему исследовательской разработке гендерной проблематики в отечественной египтологии.

И. А. Ладынин

**~~Гендер в историческом познании: не только полезно,
но и не страшно. Новый антропологический опыт
в альманахе «Мир историка»~~**

~~Если историческая наука ещё может себе позволить какое-то время следовать устоявшимся образцам, то условием развития истории историографии — когда перед нами не обзорного характера нарративы, тяготеющие к аннотированной библиографии, — выступает проблематизация исторического познания, тенденций и апорий его развития. Ориентация на новые вопросы как раз отличает серийный сборник «Мир историка», появление которого было связано с новаторским проектом омских историографов, а именно «стремлением вернуть в историю исторической науки "человека" — показать учёного-историка в процессе житейских перипетий»¹².~~

¹² ~~Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. Н. Корзун, Г. К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 3. В 2006–2008 гг.~~